

72
Б-83

Профессор С. Я. БОРОВОЙ,
доктор исторических наук

К ИСТОРИИ РОСТОВЩИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИИ XVII ВЕКА

(Отдельный оттиск из «Научных записок Одесского кредитно-экономического института», т. IV, 1955 г.)

332
6

Июль 1959 г.

Профессор С. Я. БОРОВОЙ,
доктор исторических наук

К ИСТОРИИ РОСТОВЩИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИИ XVII ВЕКА

В XVII веке завершается процесс складывания русского централизованного государства. С этого времени начинается тот период истории нашей Родины, который Ленин назвал «новым периодом русской истории».

Образование русского национального государства (превращавшегося, по мере расширения его территории, в многонациональное государство) было результатом многовековой героической борьбы русского народа с татаро-монгольскими захватчиками, со многими другими чужеземными агрессорами. Большое прогрессивное значение имело осуществившееся в 1654 г. воссоединение Украины с Россией, отвечавшее жизненным интересам и чаяниям двух братских народов.

Ленин указывал, что новый период русской истории характеризовался «...усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных»¹.

Но ни в XVII в., ни намного позже капиталисты-купцы не стали в России ни в политическом, ни в социально-экономическом отношении господствующей силой.

При изучении вопроса об этапах и путях развития капиталистических отношений следует исходить из основного положения марксистско-ленинской теории по этому вопросу, наиболее четко сформулированного В. Лениным. Ленин указывал,

¹ В. И. Ленин Соч., т. I, стр. 137—138.

1121958

что капиталисты — это та стадия развития товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром¹.

Развитие товарного производства на базе медленно прогрессирующего общественного разделения труда еще не создало условий для установления капиталистических производственных отношений, так как тогда рабочая сила только в весьма редких и нехарактерных случаях превращалась в товар.

В основе хозяйственной жизни России XVII века лежало феодальное земледелие.

Феодальная собственность на землю распространилась на подавляющую часть земли, вовлеченной в сельскохозяйственное производство. Крепостнические отношения пронизывали весь социально-экономический строй страны.

Как известно, именно в XVII в. завершается законодательное оформление крепостного права. Развитие товарно-денежных отношений, рост внутреннего и внешнего рынков для продукции сельского хозяйства вызвали усиление крепостнической эксплуатации во всех ее формах. Площадь крепостнического земледелия росла за счет «черных» земель, увеличивались барская запашка, а также объем барщинных повинностей, натуральных и денежных laborов с крестьян.

Рост крепостнического гнета обострял классовые противоречия, вызывая противодействие крестьян, находившее свое высшее выражение в крестьянских войнах, ознаменовавших собой этот период истории нашей Родины (восстания под предводительством Ивана Болотникова и Степана Разина). Несмотря на разгром крестьянских восстаний, они расшатывали господство крепостнической системы, облегчая победу новых общественных отношений.

Господство феодально-крепостнических отношений означало, что хозяйство сохраняло в своей основе натуральный характер. И это обстоятельство должно полностью учитываться при анализе и определении реального значения любого хозяйственного явления в феодальный период.

Вместе с тем следует отметить заметные сдвиги в экономике, вызванные развитием производительных сил и общественного разделения труда, а также ростом товарного производства. Феодальная вотчина, особенно крупная, заметно утрачивала свой замкнутый характер. В результате феодальной

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 509; Соч., т. I, стр. 77.

эксплуатации у крестьян изымались не только прибавочный, но и часть необходимого продукта, обращавшиеся крепостниками в товар. Реализовывались на рынке и часть результатов промышленной деятельности крестьян. Крупная вотчина XVII века связывалась не только с широким внутренним рынком, но и с внешним.

Крестьянские домашние промыслы в некоторых случаях превращались в мелко-товарное производство на рынок со всеми неизбежными социально-экономическими последствиями этого явления.

Уже в древней Руси мы встречаемся с единичными фактами применения наемного труда. В XVII веке это явление, при всей его нетипичности и малой распространенности, уже приобретает известную экономическую значимость¹. «Уложение» 1649 г. предусматривает возможность вольного найма (гл. II, стр. 32). Мы знаем о случаях использования наемного труда даже в сельском хозяйстве².

Как известно, в это время появляются и крупные промышленные предприятия, организованные вотчинниками или крепостническим государством, полностью базирующимися на крепостном труде. Крепостнические предприятия занимали тогда ведущее и преобладающее место в крупной промышленности. Но наряду с этим во второй половине XVII и в первой половине XVIII века мы встречаем немногие купеческие и крестьянские мануфактуры, связанные с формирующимся капиталистическим способом производства. Эти мануфактуры базировались в значительной мере на наемном труде. Но наемный рабочий того времени — это был не характерный для капиталистического строя формально, юридически «свободный» человек, а оброчный крестьянин, часть заработной платы которого обращалась в феодальный оброк³.

Общественное разделение труда привело к росту удельного веса городов в экономике страны как центров ремесла и торговли.

¹ А. Падкратова, Наймиты на Руси в XVII веке. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, г. стр. 200 и сл.

² Э. А. Огризко, Наемный труд в крестьянском хозяйстве XVII в. «Вопросы истории», 1953, № 10, стр. 86—89.

³ Ср. А. Падкратова, О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму, «Вопросы истории», 1953 г., № 9, стр. 55—77.

В городах России XVII века было сосредоточено большее число искусных ремесленников различной специальности, и в некоторых отраслях русские мастера достигли замечательных, никем тогда непревзойденных успехов.

Москва и некоторые другие крупные городские центры поражали всех наблюдателей большим числом оживленных рынков, обилием лавок, интенсивностью торговой деятельности. Росла сеть сельских и городских ярмарок, некоторые из них приобретали большое значение в развитии внутреннего товарооборота. На местных ярмарках и в лавках можно было встретить товары, привезенные из самых отдаленных уголков страны, что говорило о сложившемся едином национальном рынке¹.

Росли и внешнеторговые связи. Россия была связана постоянными торговыми отношениями со многими восточными странами, а также с государствами Северо-Западной Европы. Несмотря на то, что Русское государство было тогда отрезано от выходов к Балтийскому и Черному морям, и его связь с Западной Европой поддерживалась только через замерзающие порты Белого моря, лежащие далеко от основных экономических и политических центров страны, количество ввозимых и вывозимых товаров все время возрастало.

Процесс складывания единого национального рынка, развитие товарно-денежных отношений и товарного производства в России XVII века, естественно, должны были повлечь за собой и расширение сферы кредитно-денежных операций.

Кредит — неизбежный спутник товарно-денежных отношений. Он, также как и товарное производство, может обслуживать различные социально-экономические формации. Обслуживал он и феодализм. Однако в одном лишь факте развития кредита, даже если он был облечен в «банковскую» форму, ошибочно было бы видеть доказательство развития капиталистических отношений. (Такого рода ошибки допускались некоторыми историками экономического развития России) Для того, чтобы кредит стал фактором, способствующим развитию капитализма, требуются определенные условия. Причем необходимо подчеркнуть, что эти условия нельзя вывести из исто-

¹ Ср. С. Бухрушин, «Научные труды», т. I. Очерки по истории ремесла, торговли в городах Русского централизованного государства XVI — начало XVII века, М., 1952.

рий развития самого кредита. Ведь кредит не создает капиталистических производственных отношений. Как указывали К. Маркс и В. И. Ленин, для того, чтобы кредит мог содействовать развитию капиталистических отношений, необходима определенная обстановка, подготавливаемая всем ходом социально-экономического развития данного общества, в первую очередь такие условия, при которых рабочая сила превращается в товар.

К. Маркс неоднократно подчеркивал, что торговый и ростовицкий капитал исторически предшествовал промышленному капиталу и существовал еще в рабовладельческом и феодальном обществе.

В условиях господства феодального строя кредитные операции осуществлялись, в основном, в старых традиционных формах — в виде ростовицких операций различного характера. При господстве феодальных отношений хозяйство, в основном, остается натуральным. «Ростовицкий капитал тем сильнее развивается в стране, чем больше производство в массе своей остается натуральным»¹.

И в ту пору в крестьянской среде большое распространение имели натуральные ссуды, т. е. выдачи па каменных условиях ссуд «в рост» зерном, мукой, сеном и т. п. О такого рода ссудах говорила еще «Русская правда» («зерно в присып», «мед в настав» и т. д.).

Документы XIV—XVI веков несут указаниями на «жито ласменное»² и другие виды ссуд натурой.

Документы рассматриваемого нами периода говорят о дале «жита в насып» (см., например, указ 1558 г.) В. Татишев, комментируя этот термин, указывал, что «долг давали под гребло, а принимали верхом» Это, по его расчету, составляло 20% росту³. О натуральной ссуде говорится и в особой статье Уложения 1649 г.⁴

В 1601 г. в казне Кирилло-Белозерного монастыря хранилось 6 хлебных кабал⁵. Натуральные ссуды, являясь неизбеж-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 624.

² См. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV веков, ч. I, М.-Л., 1950, № 80.

³ Н. Хитров, Законодательные памятники XV—XVII веков, собранные В. Татишевым, М., 1906, стр. 186.

⁴ Уложение царя Алексея Михайловича, гл. X, стр. 246.

⁵ Н. Никольский, Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, г. 1, вып. 2, СПб., 1910, стр. 48.

ным спутником натурально-хозяйственных отношений, обнаружили, как известно, чрезвычайную живучесть. Мы с ними встречаемся не только на всем протяжении существования крепостничества, но даже в пореформенной деревне, что неоднократно отмечалось Лениным.

Встречалась, как и раньше, ссуда за отработку. Роль ее в процессе закрепощения и закабаления крестьян хорошо известна и досконально изучена в историко-экономической литературе¹.

Распространение денежных оброков, а также взимание налогов в денежной форме в условиях развития внутреннего рынка, естественно, расширили сферу деятельности ростовщика в деревне как частновладельческой, так и «черносоптенной»².

Обобщая указания Маркса и Ленина по этому вопросу, Ф. Михалевский указывал, что «необходимость вносить платежи в известный срок делает сложней да рядом плательщика денежной ренты и подобных платежей клиентом ростовщика, не говоря уже о том, что производитель, на которого, как правило, ложилась обязанность поддерживать процесс воспроизводства не только своей рабочей силой, но и своими средствами производства, часто испытывает нужду в деньгах для приобретения того или иного предмета, живого или мертвого инвентаря, семян и т. д. И отсюда в низах нужна в чисто платёжном, а иногда и воспроизводственном кредите»³.

Сельский, а в особенности городской ремесленник, работающий на рынок, попадающий в экономическую зависимость от купца - скупщика или более богатого и оборотистого «сотоварища» по ремеслу, подвергавшийся тяжелой фискальной эксплуатации со стороны крепостнического государства, создавал, в свою очередь, также чрезвычайно благоприятную среду для «ростовщичества при помощи денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям...»⁴

Ростовщичество оказывало самое отрицательное влияние на хозяйство мелких товаропроизводителей — крестьян и ре-

месленников. После уплаты ими процентов по ссудам в их распоряжении оставалась такая жалкая часть их доходов — вообще крайне незначительных, что она оказывалась недостаточной даже для обеспечения простого воспроизводства. К. Маркс указывал: «Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и преводит его в жалкое состояние. Оно высасывает его соки, истощает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях»¹.

Конечно, мелкий торговый люд, а зачастую и купцы средней руки, должны были прибегать к услугам ростовщиков. Но и для купцов, занимавшихся торговой деятельностью крупных масштабов, при незначительности свободных денежных средств, крайней медлительности товарооборота (что в немалой мере было обусловлено транспортными возможностями того времени) ссуды тоже становились во многих случаях необходимым условием проведения торговых операций.

«Торговые крестьяне» XVII века, как правило, вели свои операции, в основном, на взятые в ссуду деньги, причем очень часто в качестве кредиторов выступали их «душеладельцы». Мы знаем, что, например, у крестьянина Ногина было «в торговле» 350 руб., а у нижегородского крестьянина Суровцева — 500 руб. «хозяйских животных». Монастыри, очевидно, особенно часто предоставляли ссуды на торговые операции «своих» крестьян².

Даже в отдаленных районах страны широко прибегали к кредиту. Приведем характерный пример. Так, Елейка Буза, стоявший в 1663 г. во главе компании «служилых, торговых и промысловых людей», промышлявших соболь на Лене, вел операции преимущественно на занятые средства³. Значительные кредитные операции в Сибири XVII века проводили крупные торговые люди Осолоквы⁴.

Насколько часто купцы прибегали к «услугам» ростовщиков, говорит тот факт, что при разыскании чрезвычайных пано-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 610.

² С. Бахрушин, Торговые крестьяне XVII в. Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 130—131.

³ Г. Бернадский, Государевы промысловые и служилые люди в Восточной Сибири XVII века. «Журнал министерства народного просвещения», 1915, № 4, стр. 343.

⁴ С. Бахрушин, Торговые крестьяне XVII века. Научные труды, т. II, стр. 127.

¹ Б. Греков, Крестьяне на Руси, М., 1946, стр. 671 и сл.

² М. Богословский, Кредит в земском хозяйстве XVII в., Сборник статей, посвященный В. Ключевскому, М., 1909, стр. 29—42.

³ Ф. Михайлевский, Очерки истории денег и денежного обращения, том I. Деньги в феодальном обществе, М., 1948, стр. 118.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 608.

гов («пятинных денег») в 1615 и 1634 гг. было предусмотрено, что торговцы и промышленники, предъявившие кабалы, свидетельствовавшие о том, что «они торговали чужими животы», от уплаты налога освобождался; налог должны были платить заимодавцы, которые «по росту деньги дают»¹.

Ростовический кредит, конечно, не мог способствовать развитию торговли, отнимая значительную часть барыша у купца. Вместе с тем он приводил к удорожанию товаров, так как купец стремился переложить на покупателя возможно большую часть стоимости кредита. Высокие цены, естественно, суживали емкость рынка.

Конечно, в торговом обороте того времени еще большее значение чем денежные суды имел так называемый «коммерческий кредит», т. е. продажа товара с обязательством уплаты через некоторый срок (с соответствующей скидкой на цену товара). Об этом подробно рассказано в известном описании путешествия Олвария. Он сообщил, что русские купцы берут одну или несколько штук сукна за условленную цену, с уплатой всей суммы через полгода или даже через год и тотчас же продают это сукно мелким торговцам в розницу по аршинам на деньги, часто даже ниже своей цены. На вырученные чистые деньги купцы закупают другие товары, которые опять тотчас же продают. Таким образом, в продолжение всего времени до наступления срока уплаты за купленное им в кредит сукно ими делаются денежные обороты три и даже более раз².

Естественно, что в условиях экономического и социального господства феодального землевладения особое значение имело (говоря словами К. Маркса) «ростовичество при помощи денежных судов знатым расточителям, преимущественно землевладельцам».

Уже тогда сказывалось несоответствие между потребностями крепостника — землевладельца в денежных доходах и теми возможностями, которые открывали им результаты эксплуатации крестьян. Как ни жестока была эксплуатация кре-

¹ С. Веселовский, Семь сборов запросных и пятинных денег. М., 1908, стр. 46—47. Е. Сташевский, Пятиня 142 «Журнал министерства народного просвещения», 1912, № 4, стр. 280.

² Адам Олеарий, Описание путешествия в Московью. СПб., 1906, стр. 205.

стьян, она давала доход, главным образом, в натуральной форме. А в условиях относительно слабого еще развития рынка землевладельцу далеко не всегда удавалось реализовать и превращать в деньги «прибавочный продукт» крестьянского труда, непосредственно не потребленный крепостником и его семьей. В особенно неблагоприятном положении в этом отношении находились крепостники, владения которых были расположены в отдаленных, плохо связанных с центрами потребления, районах.

При неизбежной в условиях господства натурального хозяйства скудности денежных ресурсов государства денежные податки со стороны правительства, а также денежные доходы — законные и незаконные — представителей высшей администрации (они были одновременно и землевладельцами) были тоже ограничены. Все это создавало предпосылки для появления задолженности землевладельцев.

Известно о значительных денежных долгах, которыми были обременены крупнейшие землевладельцы конца XV и в XVI веке¹.

Удельный князь Юрий Васильевич перед смертью был должен 717 руб. (примерно 71 тыс. руб. на золотые деньги конца XIX в.), а князь Андрей Васильевич — 31 тыс. руб. (примерно 3 млн. руб.)².

Как пишет исследователь хозяйственной жизни той эпохи, в княжеских крупнейших землевладельцев «без всякого движения лежали громадные запасы жита, меда и рыбы; в их казнях скоплялись драгоценные меха, а сами они должны были занимать по несколько рублей у своих подданных, закладывали свое серебро, свои соборы шубы и горностайные кортики, как тот волоцкий князь Иван Борисович, который, заложив все, что мог, стал закладывать мониста и обручи своей племянницы, «истерял» все ее приданое. С каким трудом вносили эти деньги видно из того, что некоторые князья не могли расплатиться за долги своих родителей. Так, в завещании одного волоцкого князя рядом с его собственными долгами фигурирует «маткин долг».

¹ В. Греков, указан. Соч., стр. 599 и сл.

² С. Бахрушин, Княжеское хозяйство XV и первой пол. XVI века. «Научные труды», т. II, стр. 44.

Надо думать, что задолженность феодального землевладельца в XVII в. достигла еще больших размеров¹.

Хорошо известно, что ссуды, которые получали земледельцы у ростовщиков, шли не на производительные, а только на потребительские нужды, на мотовство. Поэтому они ни в какой мере не способствовали развитию производительных сил общества. Задолженность крепостников приводила к усилению крепостнической эксплуатации. Нет нужды объяснять, что платежи процентов по ссудам и самое их погашение в конечном счете перекладывались на плечи крепостных.

Однако в рассматриваемое время задолженность крепостников еще не вырастала в сколько-нибудь серьезную экономическую или социально-политическую проблему².

Перед феодальным классом открывались еще громадные возможности по укреплению своих экономических позиций за счет захвата новых «черных» земель, закрепощения новых групп крестьян, расширения барской заповяди и т. п. Больше того, как мы видели, некоторые крупные землевладельцы располагали такими большими резервами «свободных» денежных средств, что сами выступали не как должники, а как «банкиры» крупных масштабов.

Чрезвычайная ограниченность «свободных» средств на тогдашнем денежном рынке, недостаточная обеспеченность кредита в условиях абсолютистского государства, не создавшего прочной правовой защиты интересов представителей ростовщического капитала, рискованность торговых операций, под которые давались ссуды (из-за транспортных и т. п. опасностей), отсутствие каких-либо форм организованного кредита — все это делало неизбежным дороговизну кредита.

Однако не следует преувеличивать размеры ссудного процента в России того времени, а значит, и степень неравности товарно-денежных отношений.

Судебник 1596 г. и закон 1626 г. признают 20% годовых нормальную ссудной ставкой. Эта же 20-процентная норма признавалась обычной («как идет в людях, на пять в шестой»)

¹ Этот вопрос требует специального исследования. В рамках настоящей работы мы не ставили перед собой такой задачи.

² Показательно, что подробный анализ деятельности среднего ростовщика конца XVII века специалист А. И. Васьковский не обнаруживает следов кредитно-ссудных операций. А. Новосельский, *Вотчинник и его хозяйство в XVII веке*. М., 1929.

и в практике крупнейшего ростовщика того времени — Кирило-Белозерского монастыря¹.

Иностранцы-резиденты и дипломаты, тщетно надеявшиеся превратить «Московию» в арену широкой деятельности торгового и ростовщического капитала своих стран, понятно, не были заинтересованы в том, чтобы преуменьшить размеры ссудного процента в России. Следует поэтому подчеркнуть, что и Герберштейн, и Флетчер, столь много говорившие о «дикости» и отсталости «москвитов» и не останавливавшиеся зачастую перед прямой клеветой и выдумкой, тоже признавали распространенными ссуды из 20%. Голландские купцы, желая заинтересовать в своих коммерческих операциях бояр, стоявших близко к престолу, платили им под денежные вклады 25%². Однако следует отметить сообщение Олеария о том, что купцы обычно берут ссуды из 33,5% годовых.

Совершенно ясно, что такой сравнительно умеренный процент, по понятиям феодального общества, как 20% годовых, платили только по более или менее обеспеченным ссудам и в, так сказать, нормальных условиях.

В практике, особенно торговой, мы часто встречаемся с неизмеримо более высокими процентами. Так, тот же Судебник 1596 г. отменил, что при краткосрочных ссудах взимали 48% и даже 156%³.

Во избежание пересылки больших денежных сумм, представлявших по тогдашнему времени громоздкий и небезопасный груз, практика выработала систему частных кредитных писем (печто вроде переводных векселей)⁴.

Русские дипломатические представители, ехавшие в те годы в страны Запада, получали обычно, кроме мехов и наличных денег, также «грамотки» (векселя). Так, в 1631 г. русские послы получили векселя к амстердамским коммерсантам

¹ Никольский, *Указ. соч.*, стр. 242.

² См. сводку материалов по этому вопросу в кн. Б. Курд, *Сочинение Кульбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича*. Киев, 1915, стр. 254—255.

³ К. Сербин, *Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад XVI—XVIII века*, М., 1951, стр. 276.

⁴ Любопытные факты этого порядка на практике новгородских купцов Кошкиных во второй пол. XVII века см. в статье С. Бахрушина. Торги новгородцев Кошкиных. *Научные труды*, т. II, стр. 188 и сл.

от находившихся в Москве иностранных купцов¹. Значительная часть денег, ассигнованных на знаменитое «Великое посольство» 1697—1698 гг., с которым выехал Петр, состояла из векселей на Амстердам, полученных «за продажный поташ на торговых иноземцах»².

Обычным для практики того времени было ростовщичество, еще не превратившееся в особую отрасль коммерческой деятельности. Как показывают многочисленные наблюдения, одни и те же купцы, в зависимости от условий торговли, выступали то как кредиторы, то как должники. Например, крупные тиввинские купцы наряду с торговыми делами вели и ростовщические операции, приносившие им при удаче высокие проценты, но одновременно грозившие им потерей денег, ощущений в рост³.

В торговой практике того времени мы встречаемся и со случаями, когда ростовщики требовали от своих «клиентов» определенной доли барыша. Так, в середине XVII в. один воронежский ростовщик условием ссуды ставил внесение сверх суммы долга половины барыша по торговой операции, им предоставленной⁴.

Сходными с этим была следующая форма кредитования приказчиков их хозяевами, часто встречающаяся в то время. Приказчики получали известную сумму и обязывались возвращать «истину» (т. е. ссуженую сумму) и сверх того вносить определенную часть прибыли, которая равнялась 20%, а иногда и 25% годовых — обычный % при тогдашних кредитных сделках⁵.

Из представителей русской торговой буржуазии XVII века, совмещавших торговую деятельность с крупными ростовщическими операциями, известны купцы Босых, Ревякин, «торговые люди гостиной сотни» — Шорин и Патокин⁶.

¹ Б. Поршнев, Густав — Адольф и подготовка Смоленской войны. — «Вопросы истории», 1947, № 1, стр. 63.

² Н. Бахланов, Великое посольство в 1697—1698. — сбор. Петр Великий, т. I М., 1947, стр. 7.

³ Сербия, указ. соч., стр. 287.

⁴ Е. Чистякова, Ремесло и торговля на Воронежском посаде в сер. XVII века. «Труды Воронежского государственного университета», т. XXI, 1954, стр. 60.

⁵ С. Бахрушин, Научные труды, т. II, стр. 141.

⁶ И. Кулишер, История русского народного хозяйства, т. II, М., 1925, стр. 385.

Крупные кредитные операции, носившие в значительной мере ростовщический характер, проводил в последние годы XVII века «гость» Никитин¹.

На рубеже XVII и XVIII веков крупнейшими монетно-ростовщическими операциями занимался московский купец Зубков. В 1702 г. он вместе с сыновьями и тремя компаньонами взял в монетном дворе 110 тыс. рублей новых денег для обмена на старые (более полновесные). Эти деньги раздавались под кабалу различным торговым людям, которые обязывались возвратить долг старыми деньгами².

Если в странах Западной Европы в период предшествовавший возникновению капиталистических банков, большую роль играли менялы, как правило, одновременно и ростовщиками, производившими также простейшие банкерские (вексельные и жиро) операции, то в России этого не было. Это может быть объяснено тем, что в России рано сложилось централизованное государство с единой монетной системой, а иностранная монета должна была сдаваться в монетные дворы и перечекиваться. Таким образом, у нас не создались условия для развития меняльного промысла.

Кредитные операции совершались и иностранные купцы, занимавшиеся торговой деятельностью в России. Они использовали недостаток оборотных средств у русских купцов и дороговизну кредита.

Это можно весьма ярко проиллюстрировать на примере Пскова. Как говорят документы того времени, иностранные купцы в Пскове давали ссуды русским «маломожным» купцам и тем самым получали возможность устанавливать низкие цены на русские «отпускные» товары. Как писал тогдашний выдающийся русский государственный деятель А. Л. Ордин-Нащокин, «скудные торговые люди в посадах и уездах тайно емлют деньги у немцев в подряд на русские товары, и собрав кудом свои товары явно малою ценою продают по сговору с немцами для того, чтобы головава оценка положить»³. Донесения Ордина-Нащокина и челобитная псковского «маломожного» купечества отмечали значительный объем кредитных

¹ С. Бахрушин, Торги купца Никитина в Сибири и Китае. Труды института истории, т. I, М., 1926, стр. 381.

² Е. Заверская, Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1963, стр. 406.

³ Дополнения к актам историческим, т. V, СПб., 1855, стр. 3.

операций иностранных купцов в Пскове. Так, в одном челобитьи писалось: «и в прошлых, государь, годах мы, торговые людишки, имели деньги у иноземцев на всякие товары, и за те деньги ставили им всякие товары и от того одолжали великие долги»¹. Конечно, нередко случалось, что псковские купцы становились несостоятельными должниками иноземцев со всеми вытекающими отсюда экономическими и правовыми последствиями. «Да которые псковичи должны иноземцам, и за их немские долги взяты их двory и животы и люди отданы иноземцам, а оне за достальные долги и ныне сидят в тюрьме»².

Таким образом, мы видим, что в Пскове, как и в других русских городах, иностранные купцы, в нарушение существовавших законоположений, открывали русским торговым людям кредит. Эти кредитные сделки юридически оформлялись денежной кабалой, выдававшейся на сумму, которая превышала оптовую стоимость товаров. В отличие от обычных займов ссуда выдавалась на время до обусловленного срока без роста, а по окончании срока, в случае неуплаты денег за взятый товар, начислялся обычный процент. К. В. Базилевич на основании изучения большого количества денежных кабал установил, что обычный срок предоставляемого иностранными купцами кредита при продаже составлял 2—3 месяца; нередко встречается 6—7-месячный срок, реже — годовой³.

Предоставление русским купцам денежных ссуд или коммерческого кредита было в руках иностранцев одним из главных средств упрочения своих позиций на рынках России и устроения русских купцов от активного участия во внешне-торговых операциях.

Каких размеров достигли ссудные операции иностранных купцов на Руси XVII в. видно из такого факта: после высылки в 1649 г. из Москвы англичан они в течение двух лет предъявляли претензии по невыполненным кабальным долгам на 26 тыс. руб.⁴ (т. е. примерно на 2,5 млн. руб. по курсу конца XIX века).

¹ Дополнения к актам историческим, т. V, стр. 21.

² Там же, стр. 19.

³ К. В. Базилевич, Коллективные челобитья торговых людей в борьбе за русский рынок в первой половине XVII века. «Известия Академии наук, Отд. обществ. наук», 1932, № 2, стр. 105.

⁴ Там же, стр. 106.

Следует также отметить, что та очень немногочисленная в то время группа русских купцов, которая была непосредственно связана с иностранными рынками, сталкивалась и с иностранными башками. В первую очередь это относится к русским торговым людям, ездившим в Швецию во второй половине XVII в. Так, новгородский купец Кошкин продавал свои товары в Стокгольме, получая за них частью наличные деньги, частью чеки («седели») на стокгольмский банк (открытый в 1657 г.). «Седели» принимались им наравне с деньгами и шли в уплату за шведские товары¹.

С деятельностью банков соприкасались тогда и русские дипломатические представители. Так, Великое посольство не только посетило Амстердамский банк, но и производило при его посредстве некоторые денежные операции².

Отменяя широкое использование иностранными купцами кредитных операций, ни в коем случае не следует преувеличивать их роль в кредитном рынке страны. Не надо также забывать, что кредитные операции иностранных купцов играли подсобную роль по отношению к их торговой деятельности.

Надо подчеркнуть, что в России изучаемого нами периода не было того, что встречалось в некоторых феодальных государствах — групп иноплемennых купцов (или выходов из определенной местности), которые в силу тех или иных исторических причин специализировались на проведении ростовщическо-кредитных операций (например, ломбарды в Англии XIV—XV веков; выходы из города Кагор во Франции и т. д.). Основными представителями ростовщического капитала в России XV—XVII веков были отечественные купцы, а еще чаще крупные землевладельцы, которые в результате феодальной эксплуатации крестьянства накопили большие богатства в натуральной и денежной форме. Наиболее же крупными, обыч-

¹ С. Бахрушин, Торги новгородцев Кошкиных, стр. 48.

² Б. Кляшторная, указ. соч., стр. 58. В рукописи конца XVII века, вероятно изданной под наименованием «Космограф 1670 г.», при описании Англии упоминается палата именуется по их языку «Банкуе регус», сиречь меня королевской казны к прибытку и користи всего государства». (Ср. М. Алексеев, Англия и англичане в памятниках московской писменности XVI—XVII веков. Учен. записки ЛГУ, № 95. Ленинград, 1947, стр. 76). Алексеев считает, что речь идет об английском банке, но последний был основан только в 1694 г. Приходится предположить, что речь шла о каком-то другом банке или что рукопись неправильно датирована.

ными для того времени русскими «банкирами» были монастыри.

Наиболее известен своими обширными кредитными операциями крупнейший землевладелец и предприниматель XVII века боярин Б. Морозов. Являясь владельцем вотчин в 17 уездах (до 300 сел и деревень), Морозов обладал также многочисленными, разнообразными промыслами (потапшим, железным и др.) и, кроме того, еще вел в громадных масштабах хлебную торговлю. Около 80 тыс. руб. им было роздано в кабальные ссуды. Вместе с тем он предоставлял займы и своим крестьянам, проводившим торговые операции. Так, Ивану Антропову, судовладельцу и торговцу солью, он выдал ссуду в 2 тыс. руб., Антропу Леонтьевичу — 1 тыс. руб., другим — меньше, но все же весьма крупные по тому времени суммы¹. Наряду с Морозовым кредитными операциями занимались и другие крупные землевладельцы того времени.

Но, как мы только что отмечали, наиболее частыми представителями ростовщического капитала в то время были монастыри.

Крупнейшие землевладельцы и «душевладельцы», они безудержной и планомерной крепостнической эксплуатацией накопили громадные богатства, которые приумножали путем аккумуляции пожертвований, «вкладов по душе», пожалований и т. д.

Монастыри, как свидетельствуют многочисленные, хорошо известные в науке документы, широко раздавали деньги в рост: мелкие кабальные ссуды (денежные и натуральные) крестьянам, ремесленникам, более крупные ссуды — купцам и землевладельцам, в том числе и бедным монастырям².

Свои торговые операции с Прибалтикой крупные купцы середины XVII века — крестьяне Усовы — вели в значительной степени за счет ссуды, полученной «с Москвы претистые богородица страстные девичья монастыря... и те деньги ходили в товар»³.

¹ Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в., ч. I, Л. 1923, стр. 145, 194, 240—256.

² Так, в начале XVII века в кладовых Кирилло-Белозерского монастыря хранились серебряные сосуды, заложенные в обеспечение долга в 100 руб. Ферепонтовым монастырем — см. Никольский, указ. соч., стр. 243.

³ С. Бахрушин, Научные труды, т. II, стр. 128.

Наиболее известен был своими ростовщическими операциями Кирилло-Белозерский монастырь. Общая сумма денежных вкладов, накопленных этим монастырем к концу первой четверти XVII века, составила 80 тыс. руб. (примерно 8 млн. руб. в ценах конца XIX века).

В 1601 г. в его казне было 154 денежных кабал¹. Архангельский монастырь на Устое с 1624 по 1648 г. выдал 47 ссуд под залог земли на сумму 7008 руб. и т. д.²

Конечно, ростовщическая деятельность монастырей находилась в вопиющем противоречии с церковными канонами, прямо запрещавшими выдачу денег в рост. Но церковники Московской Руси, так же как и настоятели католических монастырей Запаदा, меньше всего склонны были считаться с церковными запретами, если им представлялась возможность умножить свои богатства.

Как ни слаба была в ту пору степень имущественной дифференциации среди крепостных крестьян, все же мы встречаем отдельных крестьян — «богатеев», которые занимались ростовщическими операциями, ссужая, главным образом, однопольщачей. Так, из завещания, составленного в 1669 г. одним из крестьян морозовских вотчин — Обросимовым, мы узнаем, что ему должны были по кабалам различные крестьяне — кто 20 руб., кто — 135 руб. и т. д.³

Недостаточное развитие кредитных отношений нашло свое выражение в формах правового обеспечения кредиторов. Основной обеспеченной оставался «правеж»: неисправного должника выводили ежедневно на площадь перед приказом и били палками. Такая попытка «выколотить» (в прямом смысле слова) долг могла продолжаться не более месяца, после чего, в случае неуплаты — должник выдавался «головой» истцу. Уложение 1649 г. устанавливало определенную норму отработки долга: «а за работу тем людям зачитать в окуп истцову иску мужескому полу по пяти рублей в год, а женкам и срослым девкам против того в полу, а детям их... по два рубля в

¹ Никольский, указ. соч., стр. 240—245.

² О ростовщической деятельности монастырей см. подробнее у Кулинера, указ. соч., стр. 386 и сл.; Бахрушин, указ. соч., стр. 41—42.

³ «Хозяйство крупного феодала-крепостника», ч. II, Л., 1936, стр. 36—37.

год»¹. Закон оговаривал, что после завершения срока отработки «их от тех истнов отпустити на волю», что, очевидно, на практике почти не осуществлялось.

Такая форма погашения долга, как отдача «в зажив», была широко распространена в XVII веке. Возникшие в результате отдачи «в зажив» отношения работника и его хозяина имели ярко выраженный характер феодальной (или даже рабской) зависимости².

Наряду с выдачей «в зажив» известны случаи, когда несостоятельные родители отдавали в уплату долга своих детей в холопство на более или менее продолжительный срок. Вот один пример: вдова одного тягльца Казенной слободы Московых в уплату 50 руб. долга отдала сына в услужение кредитору — тягльцу той же слободы — «по живит-хозяина»³.

Совершенно ясно, что такие формы обеспечения долга практически могли применяться только в отношении к должникам, принадлежавшим к социальным и сословным низам. Правда, Уложение 1649 г. предусматривало: «Я которые дворяне и дети боярские и всяких чинов люди в ислповых, в кабальных и безкабальных исках по судным делам будут обвинены и им, или людям их, стояти на правже во сте рублях месии»⁴. Но здесь обращает на себя внимание возможность поставить вместо себя на правож «людей», что, понятно, очень снижало эффективность этой операции. Вместе с тем следует отметить, что В. Татищев, вспоминая по свежим следам процедуру правже, указывал, что выведенного на правож пристава «бид его вдоль по голый ноге так крепко, как ему от истна или от ответчика за труд заплачено. Следовательно, одни на правже стоя, боли не испытывали, другие были изурочены»⁵.

Понятно, что займодатцы, имевшие дело с земледельцами, к которым был практически не применим правож или «зажив», нуждались в более реально обеспеченном займе. Обычно земледельцы получали ссуды под залог земли. Но

в условиях крепостнического строя, всячески осложнявшего возможности мобилизации земельной собственности, получение ссуд под залог земли встречалось с некоторыми правовыми трудностями. Еще в начале XVII века закон допускал в качестве обеспечения ссуды не только движимое имущество, но и личность должника. Уложение же 1649 г. разрешило залог и вотчинных земель (но без крестьян), закон 1656 г. — также ненаселенных поместных земель. Только с 1685 г. обеспечением залога могло служить любое имущество (в том числе и крепостные — главное богатство того времени)⁶. Но, само собой разумеется, займодавец мог получить в собственность населенные земли в том случае, если он по своему сощловному положению имел на это право, т. е. если он принадлежал к классу феодалов. Обычно, сейчас же по получении ссуды земля передавалась в пользование займодавца. Получивший доход с земли являлся как бы «ростом» и вместе с тем сразу же гарантировал обеспеченность интересов кредитора.

Это было тем более важно, что, несмотря на развитие кредитных отношений, законодательство не только не создало широкой легальной основы для ссудных операций, но даже, вопреки логике и тенденциям экономического развития, огульно запретило выдачу ссуд в рост.

Ряд законодательных памятников XVI—XVII веков рассматривал рост как нормальное и легальное явление. Однако указ 1626 г. разрешил взимать рост только на протяжении пяти лет, пока процентные платежи не составят полученную ссуду («истина сойдет с ростом» — на языке того времени). Имелась в виду, как мы видим, ссуда из 20% годовых⁷.

А Уложение 1649 г. в абсолютной и обобщенной форме запретило процентные ссуды: «А править заемные деньги по кабальным и по духовным на займщиках истном истину, а росту на те заемные деньги не править, потому, что по правилам Божьих заповестей и святых отец, росту на заемные деньги имати не велено»⁸.

¹ М. Владимировский-Буданов, Обзор истории русского права, Киев, 1909, стр. 573 и сл. В. Удильцев, История займа, Киев, 1908, общедп. стр. 168—222, Кулишвер, указ. соч., стр. 393 и сл.

² Ср. Владимировский-Буданов, указ. соч., стр. 605; Удильцев, указ. соч., стр. 81.

³ Уложение 1649 г., гл. X, стр. 255.

¹ Уложение 1649 г., гл. XX, ст. 40. О. Лейбурный указ. соч., стр. 199; дает такую норму отработки долга (детьми должника): сын 10, а дочь 8 рейхсталеров в год.

² Е. Кушелева, Одна из форм кабальной зависимости в России XVIII в. «Академику Д. Грекову. Сборник статей», М., 1952, стр. 24.

³ С. Бахрушин, Агенты русских торговых людей XVII в. Научные труды, т. II, стр. 153.

⁴ Уложение 1649 г., гл. X, стр. 269.

⁵ П. Хитрово, указ. соч., стр. 183.

Совершенно ясно, что эти законоположения, как и все многочисленные аналогичные постановления, изданные на протяжении Средневековья, не имели большого практического значения, хотя, естественно, осложняли деятельность представителей ростовщического капитала. Наиболее обычным способом обхода этого правового ограничения была выписка кабалы в сумму долга, к которой заранее приписывались и проценты. Так, в 1667 г. боярином Морозовым выдана была кабала Савке Телятникову ссуда в размере 22 руб., а кабала на Савку взята в 50 руб.¹

Указанная статья Уложения формально сохраняла силу более ста лет, вплоть до манифеста 1754 г. «об указании процентов». Однако на протяжении этих лет неоднократно встречаются официальные документы и законодательные акты, говорящие о процентных ссудах. Процентные ссуды выдавало само правительство.

Приведенные выше материалы показывают, что в России XVII века, несмотря на заметное развитие денежных отношений, кредитные операции проводились, в основном, «по старинке», никаких новых явлений в этой области мы не наблюдаем. Да их и не могло быть, поскольку хозяйство в своей массе оставалось натуральным, а значит, как указывает К. Маркс, это создавало условия для развития кредита именно в ростовщической форме. Вот почему в этот период мы не видим еще ничего такого, что напоминало бы «банки», хотя бы такого типа, с каким мы встречаемся в период самого раннего развития капиталистических отношений.

Симптоматично, однако, что в то время мы встречаемся впервые в истории нашей Родины с попыткой организации банка, которая была связана с планами улучшения условий ведения внешне-торговых операций. И в этом не было ничего случайного. К. Маркс указывал, что «...потребностью морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговли, рынок всего вызвана необходимостью «эмансипироваться от господства старомодных ростовщиков и монополизаторов торговли деньгами»².

Вместе с тем в этом несуществующем проекте мы видим наиболее раннее в истории России проявление той «полезиче-

формы против старомодного ростовщичества»³, которая, согласно К. Маркса, присуща была попыткам организации кредита, соответствующего буржуазным производственным отношениям.

Первый проект создания банка в России был связан с именем уже упоминавшегося выше А. Л. Ордина-Нащокина. Назначенный в 1665 г. воеводой в Псков, он попытался провести в этом городе, который в прошлом наряду с Новгородом являлся крупнейшим внешнеторговым центром Руси, ряд преобразований. В частности, он предложил реорганизовать городское управление Пскова. По его плану «Земская изба» должна была давать ссуды «маломожным купцам» за счет «градских денег»⁴. Таким образом, «Земской избе» предвиделись функции купеческого банка⁵.

Однако план Ордина-Нащокина остался неосуществленным, объяснялось, в конечном счете, общими условиями экономического развития России тех лет. Тогда еще не сложились предпосылки для возникновения «условий капиталистического производства» в форме современного банковского дела...⁶

Только почти через два десятилетия (в 1754 г.) в России были созданы первые банки, но и они носили на себе четкий отпечаток господствовавших еще тогда феодально-крепостнических отношений.

Маркс и Ленин указывали, что ростовщический капитал, являющийся историческим предшественником ссудного капитала, особенно активно действует при поздних стадиях развития феодального общества. В этот период роль ростовщического капитала глубоко противоречива и двойственна. С одной стороны, ростовщичество способствует созданию предпосылок капиталистического способа производства (как фактор

¹ К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. III, стр. 346.
² Там же, см. в моей статье «Попытка создания банка в России XVII века», «Вопросы истории», 1947 г., № 1.

³ К. Маркс и Ленин в статье «Социально-экономические взгляды А. Ордина-Нащокина», Труды Воронежского государственного университета, т. XX (1950), стр. 107-108. См. также в моей трактатной работе Ордина-Нащокина.

⁴ К. Маркс и Ленин, Ордина-Нащокин попытался организовать не купеческий, а первую крепостную по типу торговых компаний XVII века. Не следует путать его с П. Чистяковой, которая, очевидно, не совсем ясно предвидела себе функции и организационные формы торговых банков того времени.

⁵ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 617.

¹ Хозяйство крупного феодала-крепостника, т. II, стр. 172.

² К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 615.

отделения мелкого производителя от средств производства, вместе с тем, как фактор накопления больших денежных богатств, которые могли быть в дальнейшем использованы для создания капиталистических предприятий). С другой стороны ростовщический капитал тормозил процесс развития новых производственных отношений, поскольку старый способ производства обеспечивал ему наиболее благоприятные условия деятельности. В России XVII в. с особой отчетливостью сказывалась именно эта вторая сторона влияния ростовщичества на социально-экономическое развитие общества. Маркс указывал: «Лишь там и тогда, где и когда имеются налицо остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из орудий, созидающих новый способ производства...»¹. Эти «остальные условия» в России XVII века находились, так сказать, в эмбриональном состоянии. Именно это определило роль ростовщического капитала в хозяйственном развитии страны.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 811.